

ИРИНА ЧИЖОВА

НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ

Среди многочисленных деревянных строений Москвы гордо высились их каменные особняки. С почтением взирали на них прохожие, с почтением проносили фамилию – Морозовы. Кто же не знал эту богатейшую, чрезвычайно разросшуюся семью ткацких фабрикантов! Они входили в торгово-промышленную элиту России, ворочали миллионами, но, богатея, упорным трудом нескольких поколений создавали нашу промышленность, выводя Россию на одно из первых мест в мире по темпам промышленного и экономического развития. Морозовы оставили память о себе многими делами. Ими были построены храмы и училища, театры и музеи, библиотеки и стадионы, больницы, богадельни. Роскошные и более скромные особняки, принадлежавшие им, разбросанные, как цветная мозаика, по улицам и переулкам центральной части нашего города, придают ему неповторимость, во многом определяя исторический облик Москвы. Морозовы занимались издательской деятельностью, интересовались искусством, составили ценнейшие коллекции. Им обязаны своим существованием такие города, как Орехово-Зуево, Ногинск. Эту семью, особенно личность Саввы Тимофеевича Морозова, обстоятельства его гибели, окружает множество легенд, слухов, сплетен. Высказываются самые противоположные суждения. Многие документы из семейного архива утеряны. Напомню лишь достоверные факты.

От крепкого корня пошли многочисленные отростки морозовского родословного древа. Основателем династии был крепостной крестьянин села Зуево Богородского уезда Московской губернии старообрядец Савва Васильевич Морозов (1770–1860). В детстве он помогал отцу рыбачить, был пастухом, занимался извозом, затем работал на ткацком производстве. Ему выпал жребий идти в солдаты. Служба продолжалась тогда 25 лет. Чтобы откупиться от рекрутчины, он занял у владельца ткацкой фабрики крупную сумму, выплатить которую из своего заработка ткача не мог. Считается, что от жены, дочери красильщика, узнал он особый секрет окрашивания тканей. Для того чтобы выплатить долг, он перешёл на сдельную оплату, трудился чуть не круглые сутки. Дома устроил кустарную шелкоткацкую мастерскую, в которой работал вместе со всей семьёй. Через два года долг был выплачен, но он продолжал вырабатывать в своей кустарной мастерской шёлковые ткани для продажи. Особым спросом пользовались его ажурные кружева и шёлковые ленты. Товар он сбывал в Москве. Богатырская сила помогала ему проходить пешком до Москвы 90 вёрст с тяжёлыми тюками и котомками. Вечером у Рогожской заставы его поджидали перекупщики. Они старались перехватить ставшую по-

пулярной морозовскую продукцию, славившуюся высоким качеством, красотой и прочностью окраски. Успешная торговля позволила ему в 1811 году открыть в селе Зуево небольшую ткацкую фабрику с двадцатью наёмными рабочими. В 1820 году Савва Васильевич выкупился из крепостной зависимости вместе с пятью сыновьями: Елисеем, Захаром, Абрамом, Иваном и младшим – Тимофеем.

Получив долгожданную свободу, он занялся расширением производства. В 1820 году основал московскую фабрику, которая состояла из 11 строений. В Москве он купил для своей семьи большой особняк в Шелапутинском пер., д. 1. Автор книг о старой Москве, Сергей Романюк, так пишет об этом: “Он приобрёл большой участок рядом с Язуой на берегу, где стояли казённые торговые бани. На Язуу с крутого склона холма гордо смотрел его дворец, а позади в нескольких каменных и деревянных зданиях разместилась ткацкая фабрика. Она не была большой. На ней трудилось 250 работников, и выработывали тканей на сумму 40 000 рублей. В Москве среди ткацких фабрик Морозовские занимали 8-е место”. Эту фабрику он ликвидировал после Крымской войны.

В 1830 году Савва Васильевич открыл в местечке Богородское небольшую мастерскую по окраске тканей и контору по раздаче пряжи кустарям. Эта мастерская стала основанием большой Богородско-Глуховской мануфактуры, которая перешла в собственность его сына Захара. Эта ветвь морозовского рода стала называться Захарычи.

В 1838 году Савва Васильевич создаёт в селе Никольском крупнейшую в России механическую ткацкую фабрику, позднее пристраивает к ней и прядильный корпус.

Старший сын Елисей в 1837 году открыл в Никольском рядом с мануфактурой отца небольшую красильную фабрику, из которой выросла мануфактура товарищества “Викула Морозов с сыновьями”. Елисей, увлекшись богословскими вопросами, потерял интерес к фабричному производству и передал дела своему сыну Викуле. Эта ветвь морозовского рода стала называться Викульчичами.

В 1850 году Тимофей Васильевич, которому было тогда уже 80 лет, передал управление Никольской мануфактурой младшему сыну Тимофею. Эта ветвь получила название Тимофеичи.

Сын Тимофея Васильевича Абрам считается основателем тверской ветви Морозовых – Абрамовичей.

Четвёртый сын Иван не принимал участия в семейном деле.

Таковы факты. Много ходило слухов о том, как совершенно неграмотный бывший крепостной Савва Васильевич Морозов, дожив до 90 лет, разбогател, стал купцом 1-й гильдии, оставил сыновьям в наследство многочисленные фабрики и миллионный капитал. Не стоит пересказывать их. Правду скрывает завеса времени, а дела его говорят сами за себя. Не часто даже русская земля рождает людей такого масштаба, такой кипучей энергии, трудолюбия и целеустремлённости.

После смерти отца сыновья продолжили развитие производства. Каждая ветвь морозовского рода управляла своими фабриками совершенно обособленно от других. Всего до 1917 года морозовский клан дал около 50 взрослых мужчин. Не все они были способны стать купцами и промышленниками. Богатство семьи не сделало счастливыми всех её членов. Были среди них люди, ничем себя не проявившие. Были самоубийцы и душевнобольные, кого-то постигала ранняя смерть. Кто-то оставил о себе память, как о беспутном гуляке и человеке никчёмном. Но каждая из 4-х ветвей дала ярких представителей: предпринимателей, благотворителей, коллекционеров. Именно такие люди, каждый по-своему, оставили память о Морозовых в российской истории.

Викула Елисеевич Морозов, обладавший незаурядными организаторскими способностями, достроил к доставшейся от отца ткацкой фабрике в Никольском бумагопрядильную фабрику. Он был главой большой семьи: 5 сыновей и 6 дочерей. В Москве ему принадлежал красивейший особняк (Подсосенский пер., д. 21), ставший украшением Москвы. Купил Викула и нарядный дом на ул. Земляной вал, 30, окружённый большим садом. Сейчас недалеко от Курского вокзала можно разглядеть лишь фасад особняка. Но более всего прославил имя Викулы Елисеевича строительство 1-й детской клинической больницы, которую и сейчас называют Морозовской. Больница строилась старшим сыном Викулы Алексеем после смерти отца на деньги, завещанные им на бла-

готовительность. На строительство было израсходовано 400 000 рублей. Строилась она с учётом европейского опыта. Расположенные в огромном парке отдельные небольшие корпуса позволяют изолировать друг от друга детей с различными, в том числе и инфекционными заболеваниями. Когда бродишь по этому городу в городе, наблюдаешь за его напряжённой жизнью, губы шепчут самые добрые и благодарные слова Викуле и его сыну.

Старший сын Викулы Алексей несколько лет был директором правления Никольской мануфактуры. Руководил он ею, сидя в отцовском особняке в Подсосенском переулке. Особняк поражал посетителей необычайной роскошью. Он напоминал музей русского фарфора, старинной графики, новейшей и древней живописи. Коллекционированию этих предметов отдал свою душу Алексей Викулович. В советское время особняк стал Государственным музеем фарфора, а Алексей Викулович до конца жизни оставался рядом со своей коллекцией, живя в двух комнатах и работая заместителем директора музея по научной части.

Иван Викулович Морозов имел университетское образование и успешно руководил отцовской мануфактурой. Будучи человеком очень набожным, много жертвовал на строительство старообрядческих храмов в Орехово-Зуеве и в Москве. В Орехово-Зуеве на его деньги были построены стадионы, школа, больница. Москву украсил его особняк в Леонтьевском переулке, д. 10.

Одна из дочерей Викулы Алексеевича, Вера, вышла замуж за богатого мебельного фабриканта Шмидта. Её сын Николай Шмидт вошёл в историю как человек, открыто выступивший против своего класса. Будучи студентом университета, он вступил в члены РСДРП(б), ввёл у себя на фабрике 9-часовой рабочий день. Во время вооружённого восстания в 1905 году его фабрика стала оплотом восставших. После подавления восстания был зарезан в камере Бутырской тюрьмы в возрасте 23 лет.

Успешно шли дела тверских Морозовых – Абрамовичей. Но эту ветвь прославили женщины, вышедшие замуж за Морозовых. В юную красавицу и богачку Варвару Алексеевну, дочь миллионера фабриканта Алексея Ивановича Хлудова, безответно влюбился сын Абрама Морозова, Абрам Абрамович. Она вынуждена была подчиниться воле отца и выйти замуж. Родила 3 сыновей. Абрам Абрамович руководил фабрикой вместе с братом Давидом. Они выстроили большую отделочную фабрику и увеличили производство. Но у Абрама Абрамовича развилось тяжёлое психическое заболевание, и он рано скончался. Руководить непростым производством пришлось Варваре Алексеевне. Многие современники восхищались ею. Деловая женщина, красавица, со щедрой и отзывчивой душой, не устававшая трудиться для общественного блага, она заботилась об улучшении быта рабочих Тверской мануфактуры. Ею были построены и финансировались больница, родильный дом, ясли, детский сад, аптека, сиротский приют, богадельня, библиотека. Она пекалась об образовании рабочих. Открыла воскресную и торговую школы, женскую воскресную школу, школу для детей фабричных рабочих. Занималась общественной деятельностью, на её деньги издавалась либеральная газета “Русские ведомости”.

В Москве в память о муже построила университетскую психиатрическую клинику. При её участии были организованы Пречистенские курсы для рабочих, ставшие центром просвещения пролетариата. На её средства была открыта читальня, названная Тургеневской. В Москве она организовала начальную школу и ремесленное училище, в котором неимущие могли бесплатно получить профессию токаря или слесаря. Трудно перечислить всё, что сделала она для людей. Проходя по Воздвиженке напротив метро “Арбатская”, мы и не замечаем тенистый сад, скрывающий строгий серый особняк, принадлежавший Варваре Алексеевне (д. 14). Здесь в её салоне бывали Блок, Брюсов, Белый. Забыта хозяйка особняка. Зато всем известен находящийся рядом (Воздвиженка, д. 16) построенный её сыном Арсением дворец. Вернувшись из путешествия по Португалии, он решил построить в Москве средневековый замок в псевдомавританском стиле, за что был назван матерью прилюдно дураком. Но как представить себе современную Москву без этого здания? Этот дворец – единственная память, которую оставил о себе Арсений Абрамович Морозов. Доказывая, что может вынести любую боль, он прострелил себе ногу и умер от заражения крови. А уютный особняк его отца, Абрама Абрамовича Морозова, напоминающий о его короткой жизни, придаёт ещё большее очарование Б. Алексеевской ул. (сейчас ул. Солженицына, д. 27).

Сын Варвары Алексеевны – Иван Абрамович Морозов – был образованным человеком. Смыслом его жизни была живопись. В своём дворце на ул. Пречистенке, д. 21 он собрал большую коллекцию русских художников и картин французских импрессионистов, привезённых им из Франции. Позднее к его галерее было добавлено собрание С. И. Щукина и создан музей “Новой западной живописи”. Иван Абрамович был организатором клиники раковых заболеваний при Московском университете.

Михаил Абрамович Морозов, третий сын Варвары Алексеевны, окончил университет и тоже собрал коллекцию живописи. Любил слушать в “Яре” цыганский хор. Он прославился красавицей женой Маргаритой Кирилловной (1873–1958), урождённой Мамонтовой – племянницей С. И. Мамонтова. В их дворце на Смоленском бульваре, д. 26/9 собирался цвет московской интеллигенции, устраивались знаменитые философские вечера. Маргарита Кирилловна занималась издательской деятельностью, ей принадлежало издательство “Путь”, дружила со знаменитыми поэтами, брала уроки музыки у Скрябина. Она бесплатно передала Третьяковской галерее картины Ван Гога, Ренуара, Врубеля, финансировала различные концерты. Но делала всё скромно, без помпы, поэтому её имени нет среди благодетелей. После ранней смерти мужа ей досталось громадное состояние. В 1917 году она лишилась всего принадлежавшего ей имущества. Долгие годы прожила в бедности и забвении, почти до конца жизни у неё не было даже собственной крыши над головой. Она выдержала все превратности своей судьбы со смирением и покорностью.

Брат Абрама Абрамовича Морозова – Давид Абрамович – построил на территории семейного гнезда Морозовых в Шелапутинском переулке богато, истратив на это полмиллиона рублей.

Захарычи Морозовы много сделали для создания в России ткацкого производства. Захар Саввич получил в наследство от отца капитал и небольшую красильню в Богородске, затем приобрёл местечко Глухово и 1844 году открыл Глухово-Богородскую механическую прядильную фабрику. Позднее она была преобразована в Товарищество Богородско-Глуховской мануфактуры. У Захара Савича было 6 сыновей и дочь.

Каждое последующее поколение Захарычей развивало и совершенствовало семейное производство. После смерти Захара Савича мануфактурой руководили его сыновья Андрей и Иван. Они расширили уже существующие ткацкую и прядильную и выстроили красильную и набивную фабрики. После смерти Андрея Захаровича его брат Иван с двумя своими сыновьями Арсением и Давидом выстроили ещё одну ткацкую фабрику. Арсений и Давид были не только энергичными и удачливыми предпринимателями, но и талантливыми людьми, интересовались литературой, издавали на свои средства три журнала.

В 1890 году фабрики были оснащены самым современным по тому времени механическим оборудованием, привезённым из Англии. Затем были построены крутильно-ниточная и Новоткацкая фабрика – одна из лучших и крупнейших в Европе, со стеклянным потолком для лучшего освещения. Глуховско-Богородскую мануфактуру составлял комплекс фабрик, выполняющий полный цикл работ. Руководил производством после смерти брата Давида, получая баснословные прибыли, Арсений Иванович Морозов. Арсений Иванович окончил московское коммерческое училище, затем учился в Англии, хорошо знал английский язык. Он построил для рабочих казармы, больницы, училище, гимназию, церковь. Очень любил церковное пение. В старообрядческом Богородском храме организовал великолепный хор, послушать который приезжали из Москвы.

Моя бабушка была солисткой этого хора и часто рассказывала мне об Арсении Ивановиче. О том, что он отправлял за свой счёт её и нескольких других самых талантливых солистов хора учиться пению в Италию. Но родители старообрядцы не желали и слышать о дочери-актрисе. Потом была московская коммуналка, ранняя смерть мужа, бедность. В далёкой юности остались мечты о сцене, тёплых странах и тихом местечке Глухово (ныне город Ногинск), где прошло её детство в доме на 4 семьи – такие дома строил Арсений Иванович для своих служащих. В её памяти он остался коренастым, с небольшой бородкой и умными глазами; он помогал всем, кто к нему обращался. Всю жизнь он прожил в Глухове до своей смерти в 1932 году. Она вспоминала, что после национализации производства молодёжь, отправленная им учиться

в Италию, материально помогала ему, находя способы переправить деньги из-за границы.

Расширение производства и баснословные прибыли Морозовых достигались жесточайшей эксплуатацией рабочих. Они трудились по 12 часов в день, дыша хлопковой пылью, испарениями ядовитых красок и кислот, поэтому на фабриках свирепствовал туберкулёз. Повсеместно использовался детский труд, особенно выгодный для хозяев, потому что оплачивался ниже. Худенький, измождённый ребёнок, волочащий корзину с пряжей, — обычная картина фабричной жизни. За тот же труд российский рабочий получал несравненно меньше своего европейского или американского собрата. Иногда штрафы отнимали до половины и без того нищенской зарплаты. Из-за тесноты в цехах часто происходили увечья. Жили приезжие рабочие в казармах, в которых с двух сторон в два этажа тянулись нары с узким проходом между ними. Одно помещение отделялось от другого только русскими. В таких условиях проходила вся жизнь рабочих. Можно сказать, что русская промышленность строилась на костях. Тяжёлые условия жизни привели к забастовке, которая произошла на Богородско-Глуховской мануфактуре в 1887 году. В 1885 году на всю страну прогремела так называемая “морозовская стачка” на Никольской мануфактуре, где условия труда и быта рабочих были ещё более тяжёлыми.

Никольскую мануфактуру унаследовал младший из сыновей основателя рода Тимофей Саввич. Она была самой крупной из мануфактур, принадлежавших 4-м ветвям Морозовых, а Тимофеичи — самой знаменитой ветвью династии Морозовых. Коммерческий гений Тимофея Саввича сделал мануфактуру лидером российской текстильной промышленности. Она побеждала на выставках в Париже и Чикаго, трижды ей присуждалось право маркировать свои изделия Государственным гербом. В Средней Азии у них были собственные хлопковые плантации. Ткани раскупались и в России, и за границей.

Мировые кризисы почти не отражались на их производстве. Тимофей Саввич был председателем Московского биржевого комитета, гласным (депутатом) Государственной думы. Не являясь высокообразованным человеком, до всего доходил своим умом, понимал значение образования и жертвовал крупные суммы на учебные заведения. Но он ввёл на фабриках такие жестокие порядки, что заслужил у рабочих прозвище “Вампир”.

Несмотря на выдающийся предпринимательский талант, он вошёл в историю как хозяин производства, на котором произошло первое организованное выступление рабочих — “морозовская стачка”. Суд над зачинщиками вылился в суд над хозяином фабрики и его порядками. После суда Тимофей Саввич заболел, отошёл от дел и вскоре умер, завещав огромную сумму на благотворительность. Жизнь он прожил с любимой женой, которую называл “Душечка”, — Марией Фёдоровной Симоновой, дочерью богатого купца, принесшей в приданое фабрику. Дедом Марии Фёдоровны был татарин, принявший православие. Отсюда и азиатские черты на лицах некоторых её детей. Несмотря на религиозность и щедрую благотворительность, Мария Фёдоровна отличалась стяжательством, как и её муж. После смерти в 1911 году в возрасте 80 лет она оставила состояние в 30 млн рублей. Она оказалась самой богатой женщиной в России.

У этой четы были 2 сына и 3 дочери. Семья жила в большом 2-этажном доме в Трёхсвятительском переулке, д. 1. В доме было 20 комнат, его окружал большой сад со староверческой моленной и зимней оранжереей. Здесь прошли детство и юность Саввы Тимофеевича Морозова (1862–1905). В этом районе им принадлежал большой участок земли и несколько особняков (Хохловский пер., д. 2, Подкопаевский пер., д. 2). Когда пришло его время, Савва Тимофеевич возглавил производство с огромной энергией и жадной деятельностью. Он был хорошо образован, окончил физико-математическое отделение Московского университета, изучал политэкономии и философию, затем учился в Кембридже, хорошо знал английское ткацкое производство. В Россию вернулся из-за смерти отца. Зная характер сына, отец завещал большее число паёв жене, а значит, фактической хозяйкой производства оставалась она, а Савва Тимофеевич был лишь совладельцем — управляющим, целиком зависевшим от воли матери. Для одарённого, самостоятельного, незаурядного человека зависимость от духовно чуждой ему матери была тяжела и унижительна.

Ему вовсе не хотелось идти проторенной дорогой, поскольку он был мало похож на других членов своей семьи. “Ох, Саввушка, ломаешь ты себе

шею”, – говорил ему отец. И кричал и топал ногами, когда сын уговаривал его улучшить условия труда и быта рабочих. Свою деятельность он начал с переоснащения производства. “Пришлось мне попотеть, – вспоминал Савва Тимофеевич. – Оборудование на фабрике допотопное, топлива нет, а тут конкуренция, кризис. Пришлось всё дело на ходу перестраивать”. Он построил турбинную электростанцию. Повысил зарплаты рабочим и почти совсем отменил штрафы. В Никольском построил цеха улучшенной планировки, больницу с обслуживанием на европейском уровне, новые казармы, богадельню, парк для народных гуляний, заложил здание театра, которое достроили после его смерти. Занимался общественной деятельностью. Был избран выборным Московского Биржевого общества. Общество это было объединением предпринимателей, самой влиятельной организацией промышленников в Москве. Избирался депутатом (гласным) Московской городской думы, был награждён многими самыми почётными в России наградами, 7 лет возглавлял Нижегородский ярмарочный комитет. Эта работа принесла ему всеобщее уважение.

Его зарплата управляющего равнялась зарплате министра, ему принадлежала городская недвижимость, земельные угодья. Он был пайщиком многих высокодоходных предприятий, человеком очень богатым, но с рабочими держался просто. Его часто видели в цехах. Возбуждённый и озабоченный, бегал он по этажам, входил во все мелочи. К нему, в отличие от отца и матери, рабочие относились с доверием. Он демонстрировал поразительные деловые качества, виртуозно вёл дела, получая огромные прибыли. Так же решительно, как управлял производством, строил он и свою личную жизнь. Страстно влюбился в жену своего двоюродного племянника, сына Викулы Морозова, Сергея, Зинаиду Григорьевну Зимину и отбил её у него. Сергей был беспутным гулякой и сочувствия ни у кого не вызывал. Но женитьба на разведённой в старообрядческой среде не допускалась. Мать говорила Савве: “Первый жених в России, а кого в дом привёл”. По одной версии, Зимина происходила из купеческой среды, по другой – до замужества была простой работницей на фабрике. Для любимой жены Савва Тимофеевич заказал архитектору Шехтелю невиданный в Москве замок, в котором сочетались готические и мавританские мотивы. Это здание сразу стало московской достопримечательностью (ул. Спиридоновка, д. 17). В чудесном замке Зинаида Григорьевна устраивала приёмы, балы, вечера, на которых присутствовали аристократы, иногда даже члены царской семьи, все московские знаменитости. Она щеголяла дорогими нарядами и чудесными жемчугами среди сказочного великолепия дворца, в котором особенно поражало обилие фарфора. Она не отказывала себе ни в чём: самые дорогие курорты, ложи в театрах. На половине Саввы Тимофеевича, наоборот, царил аскетизм, его жильё больше напоминало жилище холостяка. Взаимная сильная страсть свела их вместе. А когда страсть прошла, стало ясно, что у них нет ничего общего.

Заехав однажды в создаваемый Станиславским и Немировичем-Данченко новый театр, Савва Тимофеевич горячо увлёкся идеей театра, “без высочайшего покровительства”, в котором шли бы общественно значимые спектакли. Он материально поддержал театр в самый критический момент, когда решался вопрос о его существовании. Сумма его пожертвований доходила до 500 тыс. рублей. Среди имён создателей МХТ должно быть и имя Саввы Морозова. Он проводил на строительстве здания театра почти всё свободное время, сам красил и забивал гвозди. В МХТ он близко сошёлся с Горьким. Здесь встретил он свою великую и несчастную любовь. Её звали Мария Фёдоровна Желябужская, сценический псевдоним “Андреева”. Она происходила из обедневшей дворянской семьи. Её отец служил режиссёром Александринского театра, и очень красивую девушку ожидала сцена. Но замужество, рождение двух детей изменило её судьбу. Муж Андрей Желябужский, статский советник, был весьма состоятелен и старше её на 18 лет. Они жили вместе, как старые друзья. Оба увлекались искусством и участвовали в любительских спектаклях. Её жизнь была вполне устроена, спокойна. Она жила в окружении друзей дома и многочисленных поклонников, но душе хотелось большего: полёта, общественного служения. Гувернёр детей познакомил её с марксизмом, а приглашение играть в театре, создававшемся для людей всех сословий, было встречено с восторгом.

Савва Морозов преклонялся не только перед её женской прелестью, он видел в ней родственную душу. Много писали о том, сколько денег “вытяну-

ла” она из него на нужды партии большевиков, что “Искра” издавалась за его счёт, что Красин строил электростанцию Морозова и скрывался у него от полиции, что он укрывал Баумана. Такой ловкой была содержанка Андреева! А потом бросила его, увлеклась Горьким, муж не дал развода, и они жили гражданским браком. А Савва Морозов всё продолжал помогать большевикам и беззаветно любить её.

Странно читать всё это. Савва Морозов был человеком исключительного ума. Он читал Маркса и Ленина. И всё, что делал, он делал совершенно сознательно. Никогда не позволил бы он водить себя за нос, не полюбил бы такой великой и трагической любовью пустую кокетку или продажную женщину. Станиславский писал в известном письме к Андреевой: “Отношения Саввы Тимофеевича к Вам исключительные, это те отношения, ради которых ломают жизнь, приносят себя в жертву”. Станиславский упрекал её в актёрском тщеславии, в том, что она хвасталась поклонником-миллионером. Эта слабость не красила её. Но не было её вины в том, что она его не любила. Свою единственную в жизни любовь она отдала Горькому. В её глазах он был правдоискателем, сильным человеком, способным преодолеть и нищету, и любые невзгоды. А Савва Тимофеевич, продолжая безнадёжно любить её, остался в своей роскошной клетке, среди чуждых людей. “Одинок я очень, нет у меня никого”, — сказал он однажды Горькому. В своей среде друзей у него не было, купцов презрительно называл он *волчьей стаей*. Немирович-Данченко писал о нём: “Купец не смеет увлекаться. Он должен быть верен своей стихии выдержки и расчёта. Измена неминуемо приведёт к трагическому конфликту”. Так и произошло.

Савва Морозов был человеком исключительной социальной прозорливости. Став свидетелем Кровавого воскресенья 9 января 1905 года, он сказал Горькому: “Революция обеспечена. Годы пропаганды не дали бы того, что достигнуто в один день. Позволив убивать себя сегодня, люди приобрели право убивать завтра. Они, конечно, воспользуются этим правом”.

Он пошёл к председателю Совета министров Витте и говорил ему о необходимости покончить с самодержавием, о парламенте, выборах, о том, что жить так далее нельзя. Гражданская совесть истинно русского интеллигента не позволяла ему оставаться безучастным. Он понимал, что революция сметёт таких, как он, но судьба Родины была для него важнее. Он предвидел неизбежность революции и пытался сделать всё от него зависящее, чтобы предотвратить кровопролитие. Он составил программу неотложных социальных и политических реформ. Речь шла о введении конституционной формы правления. Савва Тимофеевич обратился за поддержкой к другим капиталистам, но не получил её. Документ обсуждался и на заседании правления Никольской мануфактуры, но и там не был поддержан. В феврале 1905 года прошли забастовки на Никольской мануфактуре. И хотя за 20 лет своего правления Савва Тимофеевич сделал для рабочих очень много, коренного улучшения их положения не произошло. Он целиком зависел от воли матери. Он хотел ввести 8-часовой рабочий день и повысить зарплату. В ответ она пригрозила ему учреждением опеки. Он требовал передать фактическое управление предприятиями в его руки, в ответ она устранила его от дел.

Одиночество и бессилие вызвали апатию. Он закрылся дома, перестал общаться с людьми. Родственники поспешили объявить о его нервном расстройстве и переутомлении. В мае он уехал с женой на юг Франции для “отдыха и лечения”. 13 мая в номере отеля “Ройаль”, на Лазурном берегу, миллионер-фабрикант Савва Морозов застрелился. Было ему 44 года. Часто высказывается мнение, что он был убит. При этом ссылаются на свидетельства его жены, которая утверждала, что видела в окно убегающего человека, что почерк предсмертной записки был изменён, а глаза его были кем-то закрыты. Никаких иных свидетельств, указывающих на убийство, кроме показаний жены, нет. Но если самоубийство было инсценировано, зачем было закрывать глаза, вызывая тем самым подозрения? Естественно, что почерк человека, стоящего у последней черты, меняется. И можно ли верить словам гордой и самолюбивой женщины, знавшей, что муж не любит её? Можно только предполагать, что творилось в её душе. Характерно то, как воспринял весть о самоубийстве Саввы Морозова хорошо его знавший М. Горький: “Я пережил час острой боли и невольно подумал, что из угла, в который условия затискали этого человека, был только один выход — в смерть. Он был

недостаточно силён, чтобы уйти в дело революции, но он шёл путём, опасным для людей его семьи и круга”.

Как не вспомнить слова отца Саввы Тимофеевича: “Ох, Саввушка, сломаешь ты себе шею!” Люди самобытные, богато одарённые, совестливые часто кончают трагически. Совесть истинно русского интеллигента не позволила Савве Морозову спокойно дожить жизнь на Лазурном берегу. Какой неправдоподобно редкий, благородный человек посетил этот мир, и какими несовременными, почти забытыми стали сегодня слова “совесть”, “русский интеллигент”... Зачем они? Сколько чиновников, призванные заботиться о благе России, беззастенчиво грабят её, не мучаясь угрызениями совести. Не трогают их судьбы миллионов обездоленных сограждан, интересам которых они обязаны служить. Савва Морозов считал, что в отношении угнетателей гуманность – ложь. Эти слова справедливы и сейчас. История учит, что рушились казавшиеся незыблемыми империи, где власть совершала преступления или утопала в роскоши и разврате, а народ был нищ и бесправен. Упаси нас Бог нарушить данный нам свыше таинственный нравственный закон! Человек не должен процветать, обворовывая других. Конец бывает страшен.